

Володихин Д.М.,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
культурного наследия МГИК

Вождь Первого земского ополчения князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой в сравнении с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским

Два вождя земского национально-освободительного движения в годы Великой Смуты начала XVII столетия, князя Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский, долгое время стояли в общественном мнении наравне (оба – безусловно выше Минина), как одинаково важные фигуры, связанные с освобождением Москвы от польско-литовских захватчиков и общим «умирением» смуты. Изначально Трубецкой, возможно, выглядел даже значительнее – в силу безусловно превосходства в знатности. Иерархия местнических «счетов» ставила его на два порядка выше Пожарского, принадлежавшего к захудалому роду, пусть и ветви Рюриковичей.

Земский собор 1613 года, избравший на царство Михаила Федоровича Романова, закрыл последнюю страницу величия в судьбе другой персоны, возвысившейся в Смутное время. Это последний вождь 1-го Земского ополчения князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Уход его в тень, перемещение из главных действующих лиц на роль второго плана, имело разный смысл для современников его и будущих поколений.

Во-первых, князь Трубецкой страстно жаждал надеть шапку Мономаха, но царем не стал. Он уступил – таков главный итог его биографии для современников.

Во-вторых, на протяжении двух лет он был одним из вождей земского ополчения, его имя знала вся Россия, но историческая память русского народа вычеркнула его из списка великих личностей. Кто знает ныне о Трубецком? Историки Смуты, краеведы города Трубчевска в Брянской области, да незначительное число дотошных любителей русской старины.

Между тем, князь был незаурядным человеком. Иначе он просто не смог бы столь долго продержаться на гребне земского дела.

Д.Т. Трубецкой появился на царской службе в 1604 г. – в чине стольника ходил против Лжедмитрия I. Тот же чин сохранил он и при Василии Шуйском¹. Быть может, вообще начал карьеру с этого чина. При царе Василии Ивановиче (январь 1608) он еще бывал в рындах², игравших роль телохранителей и оруженосцев при особе царя и назначавшихся, обыкновенно, из молодых аристократов. Служить тогда начинали с 15 лет, а значит, родился Дмитрий Тимофеевич во второй половине 1580-х гг. Перебежав от Василия Шуйского к Лжедмитрию II (июнь 1608), он сразу получил от «царика» боярский чин: очевидно, тушинцам пришлось по вкусу, что в их лагере оказался столь знатный человек. Дмитрий Тимофеевич являлся старшим в Боярской думе Лжедмитрия II и возглавлял его Стрелецкий приказ.

Очевидно, выбор Лжедмитрия II в качестве государя вместо Василия Шуйского был продиктован опасениями: при Борисе Годунове князья Трубецкие были в чести и проявляли стойкую верность годуновской придворной партии. Более того, в условиях всевластия Бориса Годунова при дворе царя Федора Ивановича Трубецкие местничались с Шуйскими³. Видимо, теперь, при господстве Шуйских, Дмитрий Тимофеевич не ждал для себя ничего хорошего по службе. Однако поступок его, при всём том, продолжает выглядеть нравственно сомнительным.

Вот первая точка сравнения Дмитрия Тимофеевича с Дмитрием Михайловичем Пожарским: тот сидел точно так же, как и Трубецкой, в осаде

¹ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 284, 392.

² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М. Императорское общество истории и древностей Российских. 1907. С. 121.

³ Подчасов Н.А. Воевода князь Ф.М. Трубецкой в правление царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича (1584—1605 гг.) // Русская военная элита. Сборник статей. М. – Севастополь, 2015. С. 46—51.

на Москве, но в обстоятельствах тяжелой вооруженной борьбы с Самозванцем законному царю не изменил.

Известно, что именно князь Д.Т. Трубецкой собирал войска Калужской земли для похода на Москву после смерти самозванца, последовавшей в декабре 1610 г. Весной 1611 г. самой крупной фигурой в стане русских сил, концентрирующихся вокруг Калуги, недолгое время был его двоюродный брат -- князь Юрий Никитич Трубецкой (с ним ведут переговоры внешние силы)⁴. Дмитрий Михайлович появляется рядом с ним как значимая личность в марте – апреле 1611 г⁵. Юрий Никитич, известный своими пропольскими симпатиями, колебался, но к земскому делу в итоге не примкнул. И тогда его родич оказался во главе калужан. Летом 1611 г. князь Д.Т. Трубецкой, именно как старший человек калужского воинства, оказался и первым из воевод всего ополчения в целом.

Роль князя Д.Т. Трубецкого в земском движении огромна. В 1611 г. он вместе с Иваном Заруцким составлял полки 1-го ополчения, пришел с ними под Москву. Позднее он участвовал в долгой и кровопролитной блокаде польско-литовских отрядов в Москве, сопровождавшейся многочисленными боевыми столкновениями.

У 1-го ополчения было несколько вождей – Прокофий Ляпунов, Иван Заруцкий, князь Дмитрий Трубецкой и Андрей Просовецкий. Поэтому порой трудно определить, кто из них был инициатором того или иного действия земцев. Формально, Дмитрий Тимофеевич признавался старшим из них – его имя писали на грамотах ополчения первым. Да и обращаясь к руководству ополчения, в грамотах из городов его тоже называли на первом месте⁶. В то же время, источники гораздо чаще упоминают самостоятельную роль иных руководителей -- Заруцкого и Ляпунова. Дмитрий Тимофеевич как будто оказывается в тени.

⁴ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. № 182.

⁵ Письмо князей Юрия и Дмитрия Трубецких к Яну Петру Сапеге // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб. 1871. Приложения. № 41. Письмо представляет собой ответ на послание Сапеги.

⁶ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. №№ 191, 192.

Но это иллюзия.

Иностранцы видели в нем действительного вождя земцев. Шведы, в частности, считали его «осторожным и бдительным командиром», не допустившим распада ополчения после гибели Ляпунова. Русские считали, что меж двух истинных лидеров ополчения – Ляпунова и Заруцкого – Трубецкой «никакой чести не имел»⁷. Но, во всяком случае, Дмитрий Тимофеевич никогда не был просто «живым знаменем», не был игрушкой в руках прочих вождей ополчения. Случалось, он расходился во мнениях с иными воеводами. Так, летом 1612 г. он не поддержал Заруцкого, пожелавшего возвести на престол малолетнего сына Марины Мнишек от Лжедмитрия I. Заруцкий злоумышлял против Пожарского, даже пытался его убить, а Трубецкой – никогда. Заруцкий ушел из-под Москвы, заслышав о приближении земцев Минина и Пожарского, а Трубецкой остался. Ясно видно: этот человек имел самостоятельное значение. И, без сомнений, он самостоятельно принимал политические решения.

Историк В.Н. Козляков высказался на этот счет веско и точно: «Несмотря на то, что князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой... получил свое боярство от Лжедмитрия II, этот воевода ополчения стал восприниматься как глава его “дворянской” части. К ноябрю 1611 г. в полках ополчения оказались представители московских дворянских родов Змеевых, Измайловых, Исленьевых, Колтовских, Коробьиных, Одадуриных, Охотиных-Плещеевых, князей Приимковых-Ростовских, Пушкиных, Самариных»⁸. Действительно, у Трубецкого под началом к осени 1611 г. собралось около 100 дворян⁹. Знатные дворяне легко подчинялись аристократу-Трубецкому – в том не было никакой «поруки» для их родовой чести. А вот не столь знатный Ляпунов, и, тем более, безродный Заруцкий не

⁷ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 255—256; Юхан Видекинд. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 197; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 112.

⁸ Козляков В.Н. Земские ополчения и избрание царя Михаила Федоровича // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 29.

⁹ Акты Московского государства. СПб., Т. I. 1890. № 45.

очень-то годились на роль их начальника. Без Трубецкого дворянская часть ополчения могла просто разойтись по домам вместе со всеми своими боевыми холопами.

После ухода Заруцкого Дмитрий Тимофеевич единолично руководил 1-м земским ополчением. Его личная заслуга, что половину ополченцев (по всей видимости, 2000—3000 ратников) удалось удержать в Москве. Изначально отношения двух полководцев не сложились: Трубецкой требовал подчинения, Пожарский к нему под команду не шел, опасаясь, что многочисленные представители гулящего казачества из полков Трубецкого нравственно развратят 2-е земского ополчение. Поэтому и Дмитрий Тимофеевич в решающий час столкновения с корпусом гетмана Ходкевича колебался: помогать ли Пожарскому?

Но сражаться бок о бок им все-таки пришлось, и необходимо видеть со всей ясностью: без участия 1-го земского ополчения Трубецкого битва за Москву не могла быть выиграна.

Князь лично участвовал в отражении Ходкевича от Москвы. В момент решающего столкновения на последнем этапе трехдневной битвы он оказался на поле боя: «Люди же князя Пожарского, увидев помощь полка князя Дмитрия Тимофеевича, радости преисполнившись, с новой силой, смело и мужественно на врагов напали, и много поляков и литовцев перебили, и у Ходкевича обоз разорвали, и лари с запасами отбили. Казаки же на винные бочки с польскими винами набросились. Боярин [Д.Т. Трубецкой], увидев это, велел бочки литовские растаскать и разбить, чтобы воинству от вина вреда не причинилось. Люди же с новой силой в бой устремились, множество поляков перебили, и гетмана Ходкевича от Москвы отогнали. И в то время поляков и литовцев перебили множество»¹⁰. После разгрома Ходкевича единое руководство русскими освободительными силами стало неоспоримой необходимостью. Князь Д.Т. Трубецкой заключил с князем Д.М. Пожарским соглашение: «И приговорили – повествует

¹⁰ Повесть о победах московского государства. Москва. Наука. 1982. С. 72.

летопись, -- всей ратью съезжаться на Неглинной. И тут же начали съезжаться и земское дело решать»¹¹. В документах, отправляемых по городам от имени земского руководства, имя Пожарского писали вторым – после имени Трубецкого. Объединение состоялось через несколько недель после отражения поляков. До наших дней дошла грамота по земельным делам, составленная от имени совместно князей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского 6 сентября 1612 года¹². В октябре 1612 г. именно подчиненные Трубецкого взяли штурмом Китай-город. Летописи четко указывают место и время, где и когда войска Трубецкого произвели атаку: «...на память Аверкия Великого», «...с Кулишек от Всех Святых от Ыванова лужку... октября в 22 день, в четверг перед Дмитревскою суботою». Иначе говоря, русские ударили со стороны Всехсвятского храма на Кулишках, там, где Китайгородская стена подходила к побережью Москвы-реки¹³. Когда к Москве подошли отряды короля Сигизмунда, Трубецкой вместе с Пожарским отбросил их¹⁴. Наконец, именно он формально являлся старшим из земских управителей России вплоть до Земского собора 1613 года.

В ходе этого Земского собора кандидатура Дмитрия Тимофеевича как претендента на трон фигурировала как одна из основных. Однако вместо него земцы сделали основателем новой династии юного М.Ф. Романова.

Чего не хватило Дмитрию Тимофеевичу для избрания на царство?

Воля к восшествию на престол у него имелась. Одна из повестей о Смутном времени рассказывает: «Князь же Дмитрий Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе на двор по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был. Казаки же честь от него приимающе, ядяще и

¹¹ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 126.

¹² Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып 8. М., 2002. № 322.

¹³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 126; Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 218.

¹⁴ Повесть о победах московского государства. Москва. Наука. 1982. С. 73.

пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющесея его безумию такову. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше лести их казачьей». А когда монарший венец окончательно ушел от Дмитрия Тимофеевича, он тяжело переживал свое поражение: «Лицо у него ту с кручины почерне, и [он] паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»¹⁵. Он даже не поставил свою подпись под грамотами, извещавшими города и земли об избрании Михаила Федоровича Романова на царство.

Хватало Трубецкому и знатности. Он приходился отдаленным потомком великому князю литовскому Ольгерду -- по линии, восходящей ко старшему сыну Ольгерда, Дмитрию. А Дмитрий Ольгердович княжил в богатом Брянске, управляя колоссальной областью. В Московском государстве традиционно очень высоко ставили князей, связанных с литовским монаршим родом, – Голицыных, Мстиславских, Бельских, Трубецких и т.п. Со второй половины XVI века Трубецкие ставились в первых строках боярских списков, возглавляли армии, воеводствовали и наместничали в крупнейших городах. Очень немногие семейства могли тягаться с ними в родовитости: князья Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Воротынские, Одоевские, Пронские, Глинские да три-четыре рода старомосковских бояр – самые сливки русской аристократии того времени. Отец Дмитрия Тимофеевича имел боярский чин.

И вот ему отказали в возведении царство. А высшая власть была так близка! Трубецкой фактически обладал ею на протяжении нескольких месяцев – с осени 1612 года до весны 1613-го.

Почему же так вышло?

Видимо, Дмитрий Тимофеевич оказался в странном положении: он «выломился» из социально близкой среды и не сумел стать вполне «своим»

¹⁵ Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. № 5. 1985.

для влиятельных общественных группировок, связанных с другими социальными слоями.

Князь возвысился, прежде всего, как глава дворянской части первого ополчения. По происхождению князь был гораздо ближе дворянам, чем казакам. Но земских дворян не сумел защитить от насилия со стороны казаков и, вероятно, в их глазах выглядел как предатель своего круга, заигрывающий с социально-чуждой стихией. Дворяне уходили из его ополчения, страшась обид, то и дело наносимых казачеством. Обстоятельства битвы с Ходкевичем за Москву прямо и однозначно свидетельствуют: казачьи отряды Трубецким контролировались очень слабо¹⁶. Для казачества, как уже было показано, князь не был в достаточной мере авторитетен. Для аристократии молодой вельможа был всего лишь одним из «игроков» -- не самым знатным, не самым опытным по части интриг, не самым авторитетным из царедворцев. У каждого аристократического клана имелся свой политический интерес и свои козыри. Трубецкой играл в свою пользу и достаточного для победы числа союзников не нашел.

Отчасти предводителя земцев подвело одно неприятное обстоятельство. Шуйские, Мстиславские, Романовы, Черкасские, Глинские, Сабуровы и некоторые другие рода знатнейших людей царства соединены были с династией московских Рюриковичей-Калитичей брачными узами. А Трубецкие – нет! Ни одного брака, прямо связывающего Трубецких с Московским монаршим домом, заключено не было.

Итак, поражение Трубецкого как претендента на русский престол объяснить не столь уж трудно.

Любопытно, что Пожарский, которого также называли среди претендентов на престол, никаких пиров не созывал и агитации в свою пользу не вёл. По правде говоря, у Пожарского имелось меньше всего шансов на избрание среди всех кандидатов. Он всем им заметно уступал в знатности. Его стали бы терпеть в государях менее, чем терпели Бориса

¹⁶ *Володихин Д.М.* Пожарский. М., 2012. С. 121—132, 143—145, 161—165.

Годунова и Василия Шуйского. И какой из этого выход? Бросить дворян-ополченцев на уничтожение всех более знатных персон Московского царства? Порубить несколько десятков Рюриковичей, Гедиминовичей, а также выходцев из старомосковских боярских родов? Даже если бы у Дмитрия Михайловича возникла столь безумная мысль, войско бы не послушалось его приказа. А если бы нашелся отряд, готовый услужить своему воеводе, его скоро уничтожили бы казаки. По свидетельствам многочисленных источников, сила казачья в 1613 году абсолютно превосходила силу дворянства¹⁷, собравшегося в Москве, а боярство раскололось на «партии».

Конечно, Пожарский располагал войском. Конечно, имя его пользовалось доброй славой из конца в конец России. Конечно, из соображений почтительности, его имя включили в список претендентов. И в 1634 году враждебный ему дворянин Ларион Сумин в запальчивости обвинил Дмитрия Михайловича, что он домогался царства и даже потратил на подкуп 20.000 рублей¹⁸. Как тут не заподозрить властолюбивых мечтаний у Дмитрия Михайловича?

Но твердого намерения «воцариться» у Пожарского явно не было. Тому же Сумину и тогда не поверили, и сейчас в его заявление верится с трудом. Сумма – фантастическая. Серебряная копеечка того времени весила приблизительно 0,5 – 0,6 грамма¹⁹. Следовательно, 20.000 рублей представляли собой груды серебра общим весом в 1,0—1,2 тонны. На такие деньги можно было купить город с окрестными селами! Не особенно богатый Пожарский в условиях полного разорения страны, думается, не имел источников, из которых мог бы добыть даже вдесятеро меньшую сумму. Что ж, добрый друг Минин снабжал его серебром из земской казны? Еще менее правдоподобно. Во-первых, состояние земских финансов было в той же

¹⁷ Многие дворяне все же разъехались по домам, а казаков прибыло.

¹⁸ *Забелин И. Е.* Сыскное дело о ссоре межевых судей стольника князя Василия Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сумина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Вып. 7. 1848. С. 85.

¹⁹ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 131.

степени, что и Минину с Пожарским, открыто другому кандидату – князю Д.Т. Трубецкому. Во-вторых, армия всё это время получала жалование и «корм». Будь тогда израсходована такая сумма, служилые люди просто разбежались бы от Москвы: земским лидерам нечем стало бы им платить. Исчерпывающе точно высказался о Минине как о казначее Второго ополчения историк И.Е. Забелин: «Он ее (казну. – Д.В.) раздавал щедро, но разумно, ибо на ней держался весь... достолавный народный подвиг. Ни одного намека в летописях и в других актах о том, чтобы Минин обращался с этой казною нечестно. Ни одного летописного замечания о том, чтобы нижегородская рать была когда-либо оскорблена со стороны расходования казны, чтобы происходили в казне самовольные захваты со стороны начальников. Между тем, летописцы никогда не молчат о таких делах, у кого бы они ни случились»²⁰.

Наконец, есть и более весомое соображение. Биография Пожарского до 1613 года неплохо отражена источниками. Летописи, исторические «повести», а также разного рода документы позволяют составить подробный его портрет. Основные черты нравственного облика Дмитрия Михайловича, его психология, его интеллектуальные способности не позволяют допустить мысли о том, что он сознательно пробивал себе путь к трону.

Пожарский честолюбив – к тому толкает его родовая честь, столь сильная в знатных людях того времени. Но он ни в коей мере не авантюрист и не революционер. И, подавно, не глупец. Знал, что с его воцарением Смута продлится: не признают великие роды захудалого Рюриковича на престоле, когда вокруг полным-полно Рюриковичей нимало не захудалых. Знал, что может, восхотев трона, погубить страну, хотя недавно сделался ее спасителем. Знал, что, борясь за старый порядок, немедленно пострадает после его возвращения. Так вот, старый порядок начал возвращаться, и этот общественный уклад не допускал восхождения на царство мелкого представителя Стародубских князей.

²⁰ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 66.

Наверное, если бы вся земля поклонилась Пожарскому и в едином порыве преподнесла ему царский венец, князь бы принял его. Но никакого «единого порыва» на Земском соборе не наблюдалось. Нет, вместо него – полное «раздрасие». И как бы ни одолевали Дмитрия Михайловича вспышки честолюбия, он всё же не захотел сделаться главой одной из партий, бешено, зубами грызущихся за власть, сыплющих деньгами направо и налево, интригующих за «голоса». Его уважили: назвали среди кандидатов. Странно было бы не уважить! Он, может быть, искал всеобщего одобрения и даже предпринимал какие-то попытки добиться его... Но весьма быстро понял, к каким губительным последствиям могут привести подобные действия.

Надо с радостью и почтением принять решение Дмитрия Михайловича – *смириться*. Ему не стать государем. Но этого ли ради он бил сумбуловцев под Пронском в 1610 году, дрался на московских баррикадах в 1611-м, пил смертную чашу с Ходкевичем? По-божески, совершив положенное, князь должен был отойти. И он отошел. Не одолел его дух Смуты. Не победил его соблазн. Вот верное поведение для доброго христианина! И в будущем Пожарский никогда, ни единым словом или поступком, не покажет своего сожаления об утраченных возможностях.

Он поступил правильно. Ради Христа и ради России так и нужно было поступить.

С Трубецким вышло иначе: он подчинился силе обстоятельств, не более того.

Гораздо сложнее и гораздо интереснее ответить на другой вопрос: отчего в массовом сознании русских людей Минин и Пожарский – заняли место великих исторических личностей, а Трубецкой – нет? И такое отношение сложилось не в XIX или XX веке, усилиями историков. Оно восходит к XVII столетию. Но почему? У Трубецкого хватало доброжелателей. Так, блистательный русский интеллектуал и яростный честолюбец князь Семен Шаховской именно Дмитрию Тимофеевичу

приписывает успех в борьбе с Ходкевичем²¹. Авраамий Палицын высказывался о нем благожелательно. Современный государственный праздник День народного единства, отмечаемый 4 ноября, связан еще и с большим церковным праздником, днем Казанской иконы Божией матери. Победы ополчения соединялись в сознании земцев с покровительством Казанской. А образ ее пришел именно к Первому ополчению: «Принесен был образ Богородицы Казанской под Москву к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому да к Ивану Заруцкому»²².

Но намного чаще литературные памятники XVII века содержат укоризны в адрес князя Д.Т. Трубецкого. И прохладная атмосфера вокруг его имени явно установилась еще при первом государе из династии Романовых.

Пренебрежительное отношение многих современников к Дмитрию Тимофеевичу можно объяснить двумя причинами. И, может быть, худая память об этом выдающемся человеке родилась из их соединения.

Первая причина связана с деяниями князя Трубецкого, совершенными после того, как волею Земского собора Михаил Федорович был венчан на царство. Прежде всего, Трубецкой искал для себя великого дела, желал продлить славу свою среди русских военачальников. Осенью 1613 г. ему вручили командование большой армией, отправленной бороться со шведами за Новгород. Дмитрий Тимофеевич вернулся из похода в 1614 г., потерпев тяжелое поражение. Неудача его была крайне болезненной для Московского государства. Страна располагала очень ограниченными военными силами, а принуждена была бороться со многими сильными врагами одновременно. Отступление Трубецкого надолго обессилило Россию в противостоянии со шведами. Кроме того, после блистательных побед земского ополчения над поляками большая военная неудача оказала на умы разочаровывающее воздействие. Летописец отзывается о новгородской кампании с крайним огорчением: «Было же... в рати нестроение великое и грабили казаки и

²¹ Шаховской С.И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 417.

²² Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 132.

всякие люди... Весной же пришли под Новгород и встали на Бронницах. Место тут неудобное было и тесное. Острожек же поставили за рекою Мстою. Пришли же из Новгорода Яков Пунтусов с немецкими людьми, и их осадили и утеснение им сделали великое, многих людей убили из наряда. Такое же сделали утеснение, что из ямы в яму не перейти, и голод был сильный. И от такого великого утеснения не могли стоять, пошли отходить. И при отходе многих русских людей убили, едва сами воеводы отошли пешими. Острожек же, который был за Мстою рекою, взяли, дав крестное целование [что никого не убьют], и всех перебили. Пришел же Яков в Новгород и еще большее утеснение стал русским людям делать»²³.

Неприятное пятно на репутации, ничего не скажешь!

Дмитрий Тимофеевич получил не столь уж много сил – даже шведы удивлялись, сколь малая армия идет против них²⁴. Ему отправляли незначительные подкрепления, но в то же время полки князя разбегались. Дмитрий Тимофеевич столкнулся с чудовищным неповиновением казаков. Он едва держал армию под контролем из-за вражды между казаками и дворянами. Не столь уж и виноват воевода в неуспехе Новгородской кампании, чудо еще, что так долго продержался он, угрожая шведскому оккупационному корпусу...

Более того, по сведениями, которые приводит А.П. Павлов, Трубецкого могли с самого начала, что называется, «подставить» -- осознанно и намеренно: «Бояре и думские советники в Москве, бывшие прежде заодно с поляками и сидевшие вместе с ними в осаде на Москве, послали этого Трубецкого из Москвы больше из ненависти, чем желая сделать хорошее дело, потому, что им надоело, что он получил большое уважение у всего народа за осаду и взятие Москвы, поэтому они искали случая... послать его с небольшим войском в такие места, где он мог бы осрамиться»²⁵.

²³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 132.

²⁴ Юхан Видекинд. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 309.

²⁵ Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. I. СПб., 2019. С. 150.

Трубецкому нельзя отказать в уме или храбрости. Осенью 1618 г. под Москву пришел королевич Владислав с армией. Часть русских казаков, оказавшихся в осаде, побежала из города, не желая защищать его от поляков. «И, взбунтовавшись ночью, -- рассказывает летопись, -- проломили за Яузой острог и побежали из Москвы тысячи три казаков. Государь за ними послал уговаривать бояр своих князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да князя Даниила Ивановича Мезецкого. Они же их догнали в пяти поприщах от Москвы и едва их поворотили»²⁶. Для того, чтобы остановить взбунтовавшуюся толпу казаков, требовались и мужество, и красноречие. Трубецкой хорошо знал мятежную казачью массу по прежним временам. Князь понимал, на сколь опасное дело его отправили, и все-таки не убоялся, честно выполнил возложенную на него миссию.

Но этот его подвиг не заслонил большой и горькой неудачи новгородского похода. Назначений на крупные воеводские должности Трубецкой больше не удостоивался. Вероятно, поражение сделало его имя исключительно непопулярным.

В царствование Михаила Федоровича Трубецкому дарованы были почет и богатство. Ему подтвердили боярский титул, полученный у Лжедмитрия II, и оставили колоссальные земельные богатства, полученные в 1612—1613 гг.²⁷. Более того, в 1622 или 1623 г. князю добавочно пожаловали богатое село Гребнево²⁸. Но добрая память о прежних его подвигах не добавляла тепла в отношении двора и государя к Дмитрию Тимофеевичу.

При венчании нового монарха на царство случилась история, показавшая истинный взгляд новой власти на Трубецкого. Князя оберегали от обид, ему выказывали уважение и, в то же время, вежливо указывали Дмитрию Тимофеевичу его место – место, выше которого он подняться уже

²⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 147.

²⁷ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 151—152.

²⁸ Ровенский Г.В., Потапов Н.В. Князь Дмитрий Трубецкой – Спаситель Отечества. 1611/12 гг. -- Щелково—Фрязино—Гребнево, 2012. С. 89.

не мог. «В Золотой полате государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел сказать посольскому дьяку Петру Третьякову: бояром князю Федору Ивановичю Мстисловскому велел себя государя золотыми осыпать. А дяде своему родному боярину Ивану Никитичю Романову велел сказать, што ему держать шапку Маномахову. А боярину князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому велел сказать держати ему скифетр. И боярин князь Дмитрий Трубецкой бил челом на боярина на Ивана Никитича Романова о местех, што ему менши Ивана быти неместно. И государь сказал боярину князю Дмитрею Трубецкому: ведомо твое отчество перед Иваном, мочно ему тобя менши быть; а ныне тебе быти для того, что мне Иван Никитич по родству дядя, а быть вам без мест... И как пришли с саном в Золотую полату, и государь велел им же несть из Золотой полаты в церковь ко Пречистой Богородицы; а боярину Василью Петровичю велел перед своим государевым саном итти ко Пречистой Богородицы. И боярин Василей Морозов бил челом государю о местех на боярина на князь Дмитрея Трубецкова, что ему перед саном быть, а боярину князю Дмитрею держать скифетр, и мне по вашей царьской милости князя Дмитрея Трубецкова быть менши нельзя. И государь Василью сказал: мочно тебе со князь Дмитрием быти всегда и велел ему итти перед саном»²⁹. Морозова одернули. Но и Трубецкому показали: царь на Руси один. И его родня имеет право на определенные привилегии.

Трубецкой не имел ключевых назначений на дипломатической службе, не давали ему и приказы возглавлять. Отношение к нему сверху – вежливо-холодноватое. И лишь брак Дмитрия Тимофеевича с Анной Васильевной Воронцовой несколько улучшил его отношение с кругом лиц, имеющих влияние на высшем уровне, но воеводских постов Дмитрий Тимофеевич по-прежнему не получал³⁰.

²⁹ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С. 65—66.

³⁰ Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. I. СПб., 2019. С. 152—154.

В 1619 г. из польского плена возвращался патриарх Филарет Никитич, отец государя. Встреча его на пути в Москву превратилась в еще одну пышную церемонию. Аристократия начала борьбу за почетное место в ней. Трубецкому досталась весьма высокая, по понятиям того времени роль: он возглавил третью заставу, встречавшую патриарха у села Хорошево. Притом именно третья застава или, иначе, третья «встреча» считалась почетнее первой и второй. Неугомонный боярин Морозов и здесь ударил челом государю: как же так! Трубецкого – в третью «встречу», а его, Морозова, – всего-навсего во вторую! «И ему – возмущался Морозов -- меньше боярина князь Дмитрия Тимофеевича быть не мочно!» Взбешенный Трубецкой «...бил челом государю, что он, Василей, тем его безчестит и Государь бы его пожаловал, велел дать на Василья Морозова оборонь. И государь боярину Василью Морозову отказал: бьешь челом не делом, нынешняя встреча указана вам всем быть без мест, а с боярином с князь Дмитрием Трубецким мочно тебе в меньших быть всегда, не сошлось тебе николи с Трубецкими, знай свою меру на кого бити челом». Но Трубецкий этим не ограничился. Он «многожды бил челом» на Морозова «в бесчестьи». И в январе 1620 г. Морозова наказали всерьез – его посадили в тюрьму³¹. Более того, Дмитрию Тимофеевичу оказали дополнительную почесть. Когда Филарет Никитич совершал путешествие вокруг Кремля на осле, первенствующим среди тех аристократов, которым позволено было водить осла под уздцы, оказался Трубецкой. И Дмитрию Тимофеевичу -- единственному из всей свиты -- патриарх позволил сопровождать его на лошади, а не пешком³².

Трубецкого не унижали. Его иногда звали к праздничному столу государеву. Трубецкому давали кое-какие административные поручения. Иными словами, по внешней видимости князь – благоденствовал. Вот только никаких ключевых постов ему не доверяли. И обида Трубецкого, как видно,

³¹ Дворцовые Разряды. 1612-1628. Том 1. СПб. 1850. С. 395—397.

³² Дворцовые Разряды. 1612-1628. Том 1. СПб. 1850. С. 407.

копилась. Надо полагать, князь смирился со своим поражением 1613 г. только внешне. И однажды его чувства должны были выплеснуться.

Так и произошло.

Осенью 1624 г. Михаил Федорович женился на княжне Марии Долгоруковой. Свадебные торжества вызвали грандиозный местнический скандал. Некоторые служилые аристократы не пожелали занять места за праздничным столом. – По их мнению, предложенные места оказались ниже их родовой чести! Один из участников свары, боярин князь Иван Голицын лишился земельных владений и отправился с женой в Пермь, ссылкой, под охраной. Другому, а именно Дмитрию Тимофеевичу своевольство сошло с рук – он не столь страшно упорствовал, как Голицын. До ноября 1624 г. его продолжали приглашать за государев стол по праздникам, его не наказывали...³³ А в январе 1625-го царица Мария скончалась, и вслед за тем разразилась катастрофа. И трех недель не прошло, как Трубецкого и целую группу других знатных людей вышибли на воеводство в отдаленные сибирские города. Дмитрий Тимофеевич отправился наместником в Тобольск³⁴. Для московского вельможи это назначение расшифровывалось совсем иначе – удаление от двора, непочетная ссылка³⁵.

Карьера Трубецкого рухнула в одночасье.

Переживания, связанные с опалой, и многомесячное путешествие до самого сердца Сибири подкосили князя. Он прибыл к новому месту службы в мае 1625 г., и месяц спустя (24 июня) скончался. Осталось несколько грамот

³³ Дворцовые Разряды. 1612-1628. Том 1. СПб. 1850. С. 640—643, 653, 1219.

³⁴ Дворцовые Разряды. 1612-1628. Том 1. СПб. 1850. С. 659.

³⁵ В современной исторической литературе высказывалось и прямо противоположное мнение: «Назначение в Сибирь, где наместник имел право беспошлинной торговли пушниной, многими рассматривалось как особая милость на получение большой прибыли», -- следовательно, отправку в Тобольск надо считать не знаком опалы, а знаком благорасположения Михаила Федоровича. – *Ровенский Г.В., Потанов Н.В.* Князь Дмитрий Трубецкий – Спаситель Отечества. 1611/12 гг. -- Щелково—Фрязино—Гребнево, 2012. С. 85. Но подобный аргумент сомнителен: для одного из крупнейших землевладельцев России, Д.Т. Трубецкого, торговля пушниной – не столь уж завидный прибыль, а вот отрыв от дел большой политики в Москве – серьезная проблема.

от его недолгой деятельности на тобольском воеводстве³⁶. По ним видно: Дмитрий Михайлович взялся за работу всерьёз, он собирался быть истинным воеводой, а не только заезжим столичным аристократом, «отбывающим» опалу; но князь даже не успел как следует принять дела.

Его тело привезли в Москву и с почётом похоронили в Троице-Сергиевом монастыре.

Как знать, что скверное сказал Дмитрий Тимофеевич про покойную царицу и не затеял ли он ее «известить». Михаилу Федоровичу не везло с женами, придворное окружение царя норовило сжить их со свету, и бедные женщины становились жертвами интриг. У Трубецкого мотив имелся: если царь останется без наследника, а потом и его самого приберет Господь, то Россия, быть может, вспомнит, что когда-то претендентом в монархи числился человек с большими заслугами перед отечеством. А может быть, местнический скандал на свадьбе получил по его инициативе какое-то продолжение. В любом случае, падение князя Дмитрия Тимофеевича совершилось, скорее всего, в связи с этой несчастливой женитьбой. Припомнили князю и казачьи пиры, и неудачную новгородскую кампанию... словом, припомнили всё то, чего ему самому вспоминать не хотелось.

Такое отношение государя, патриарха и правительственного круга к Дмитрию Тимофеевичу, мягко говоря, не способствовало высоким оценкам его в литературных памятниках той эпохи.

Но остается и другая причина холодноватого отношения современников к Д.Т. Трубецкому. Ее нетрудно разглядеть, сравнивая этого вельможу с Д.М. Пожарским. Тот был прям, прост, прозрачен. Тверд в присяге и немятежен. Кому служил, тому служил верно. Другое дело – Дмитрий Тимофеевич... У него всякий путь извилист. От царя Василия Шуйского сбежал к Лжедмитрию II. Одно время шел под присягу Лжедмитрию III – «псковскому вору», желая, видимо, сделать из того

³⁶ Тобольский архиерейский дом в XVII веке // История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. Новосибирск, 1994. С. 74, №№ 36, 37, 87, 90, 98; Первое столетие сибирских городов. XVII век // История Сибири. Первоисточники. Вып. VII. Новосибирск, 1996. № 12.

политическую марионетку, да изменил свое намерение. Дрался вместе с Пожарским против Ходкевича, но в решающие моменты боя не торопился помогать союзнику. Хотел воцариться на Москве и с бесхитростным лукавством затеял покупать казаков пирами. Смирился перед государем Михаилом Федоровичем, но впоследствии оказался замешан в каком-то темном деле, связанным с царской свадьбой...

Что в итоге?

Человек отважный, неглупый, энергичный, произошедший от великого рода, князь то и дело подчинялся горделивой амбиции. Желал возвыситься и для того использовал всякие методы, не исключая бесчестные. Никому до конца предан не был. Великих трудов не боялся, но к соратникам своим братских чувств не испытывал. Смута не искривила князя вконец, но крепко искалечила ему душу. Само время – грязное, гнилое, предательское -- научило его уступать большим соблазнам. Но при всем том, Дмитрий Тимофеевич имеет выдающиеся заслуги как земский полководец и государственный деятель. Об этом забывать нельзя.

На постаменте памятника Минину и Пожарскому, стоящего на Красной площади есть невидимое почетное место. Оно принадлежит боярину князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.